

Куданты. — 1995 — 1996 — С. 3. Маия: чудеса длиной в три отделения

Как ждала Москва этого дня! Два года мы не видели на сцене Плисецкую. Ей рукоплескали другие страны и континенты, а мы... боялись, что нам уже не доведется. Слава Богу, этого не случилось.

Маия Михайловна вернулась в родной город. Не надолго — чтобы отпраздновать свой юбилей. Этот фантастический вечер, на который стремилась попасть вся Москва, уже позади и даже начал свою собственную творческую жизнь — вчера он был повторен в Марининке, завтра будет полностью показан по Российскому каналу телевидения, ведутся переговоры о гастрольном вывозе этой программы за океан и в Японию. Но удивительное ощущение: мы в очередной раз — как всегда, когда Плисецкая на сцене, — присутствовали при явлении Чуда.

Чудом было и то, что все происходило на сцене Большого. Еще год назад, когда Плисецкая привезла в Москву гала-концерт победителей Первого международного балетного конкурса “Маия”, Большой театр отказался предоставить ему сцену.

Неприятно поразившим чудом было то, что впервые цены на билеты в Большом были почти недоступны публике: чтобы попасть в партер, требовалось выложить 500 долларов. Во столько оценил театр вечер своей бывшей прима-балерины. Которая, кстати, наутро после концерта на пресс-конференции попросила журналистов рассказать своим почитателям, что к этому прискорбному для нее факту она никакого отношения не имеет. И в финансовых сделках с администрацией Большого не вступала. Как она сказала, ей из приличия предложили зал для проведения вечера, и она сразу согласилась. Потому что от счастья вновь ступить на лучшую, самую удобную, несмотря ни на что, самую престижную сцену мира, отка-

зываться было бы неумно. Легенда и слава нашего балета не получила за вечер ни копейки, да и не ставила перед собой такой цели. Так что чудесный взлет цен на места — от партера до четвертого яруса, куда спекулянты на Театральной площади предлагали билеты по двести “зеленых”, — можно считать ценой, в которую оценил Большой утрату самой знаменитой из своих танцовщиц. И если исходить из этого, плата, конечно, не столь уж и высока. Только платить пришлось почитателям таланта балерины. Они заплатили.

И зал был полон. Да что там полон — переполнен. На ярусах, за стульями, на которых сидели обилеченные счастливицы, плечом к плечу, вытягивая шеи и балансируя на одной ноге, стояли зрители. Те, кто — было время! — ходили на все спектакли с участием Плисецкой. Те, кто по возрасту не застал ее на сцене Большого. Те, кто вспоминал редкие встречи с ее искусством как самые удивительные моменты своей жизни.

Как и положено легенде, она явилась королевой. В черном из-под белого балдахина. Обещанных коней и колесницы не было — да и зачем ей эти вещественные знаки власти над нами? Про любую другую можно было бы сказать, что эта женщина без возраста. О богине так не говорят. И это правильно. Кому интересны ее лета, когда она — совершенство? Кто поверит, что она больше пятидесяти лет на сцене, когда она дважды — как было запланировано и на “бис” — умерла и возродилась на наших глазах под музыку Сен-Санса. О каких мыслях и чув-

ствах можно говорить, когда течет, переливается знаменитая ее рука, а по спине — мурашки?

Она завершает два отделения: “Умиряющим лебедем” — первое и “Айседорой” — второе. А в третьем вышла с премьерой. Морис Бежар поставил для нее — в паре с Патриком Дюпоном — на традиционную японскую музыку балет “Курозука” (“Оборотень”). И затаив дыхание зал внимал истории о чудовище пауке, принимавшем образ странной женщины, заманивавшей в свое логово юных путников, погибающих от ее смертельного прикосновения. Кто путник, кто паук? Где беда, где торжество победы?

Новое, только новое надо ставить и показывать зрителю. Только это интересно, важно и необходимо. Только это — жизнь. Балета и наша. Об этом горячо говорила Плисецкая, отвечая на вопросы, как можно возродить Большой. Об этом танцевала она на его сцене. Всегда. И на своем, увы, прошедшем уже вечере.

Как здорово, что на нем произносилось совсем мало слов. Их сказал Виктор Черномырдин — единственный подошедший к микрофону, чтобы провозгласить: “Вы — это вся Россия! И она сейчас рукоплещет вам не только в этом зале, но и за его стенами”.

Чтобы зачитать послание президента. Чтобы вручить орден “За заслуги перед Отечеством”. Чтобы подарить Майе живой — Майю фарфоровую в образе лебедя. Чтобы таинственно приоткрыть огромную палехскую шкатулку — “это только для вас, Майя Михайловна!” — и преподнести ее вполне галантно и почти нео-

фициально (назавтра тайна оказалась раскрытой — под расписной крышкой скрывались оренбургский платок и малахитовые бусы).

И было море цветов — куда там известному “миллиону алых роз”?! Всяких — алых, желтых, белых, синих.

Ирина ЛОБАЧЕВА.
Фото Андрея СТРУНИНА.